

Нина Сегал (Рудник), Дмитрий Сегал
Памяти Ильи Захаровича Сермана

Илья Захарович Серман был человеком «мирного времени» – так было принято в России именовать великую эпоху, предшествующую Первой мировой войне. Он родился в том самом благополучнейшем 1913 году, который фигурирует во всех исследованиях как пик культурных и экономических достижений и канун великого кризиса. Исторический и политический оптимизм этого невозвратимого времени предопределил тот необыкновенный дар жизни, которым столь щедро был наделен Илья Захарович. Этот дар был очевиден во всем его облике, в незабываемых интонациях его голоса, в его дружеском приветствии: «Как жизнь?» – вопросом – утверждением радости бытия. За ним всегда слышалось любимое сермановское «Превосходно! Прекрасно!» – с легким растягиванием ударного слога. За долгие годы нашего общения интонация радости никогда не исчезала из его голоса, какие бы ни были невзгоды, неприятности, болезни, потери, и потому столь очевидно ее происхождение. За ней – принадлежность к культуре российского Серебряного века, к символистской традиции всеутверждающего «Да!» – слова, которое столь любил В. И. Иванов. Неслучайно Илья Захарович посвятил его поэзии две замечательные работы – «Vlacheslav Ivanov and Russian Poetry of the Eighteenth Century» и «Вячеслав Иванов как учитель советских поэтов» – и сам во многом был его учеником.

Другой корень выдающейся жизненной силы И. З. Сермана – это, конечно, его семья. Он любил полухвастливо – полухвастливо говорить друзьям: «Я родился в буржуазной семье!» Его мать и отец, выпускники Гейдельбергского универ-

ситета, были представителями того уникального поколения еврейской российской интеллигенции рубежа веков, отличительной чертой которого было необычайное стремление к знанию. О его значении и о роли этих людей в мировой истории писали многие, например, Ф. А. Степун в своих мемуарах «Бывшее и несбывшееся». Страсть к науке и фундаментальному знанию сочеталась в этом поколении с не менее сильным порывом к социальным преобразованиям. И если отец И. З. Сермана был занят прежде всего медициной, то его мама, вслед за своим братом, Г. Я. Аронсоном, увлекается социалистическими идеями, становится членом Бунда, дружит и переписывается с Р. Люксембург, К. Либкнехтом и К. Радеком. (Сам Илья Захарович позднее также познакомится с Радеком и всегда будет говорить о нем как о человеке необычайных знаний, остроумия и обаяния.)

Благополучная обстановка семьи врача, предметы домашней обстановки, детали туалетов матери и ее сестры присутствовали в живой памяти Ильи Захаровича рядом с воспоминаниями о спектаклях Мейерхольда и Таирова, с рассказами о Музее нового западного искусства, куда он обычно заходил по дороге домой после занятий в школе, о Матиссе и первом впечатлении от его великого «Танца». «Тоска по мировой культуре» – этим выражением Мандельштама лучше всего определить тот импульс, который был столь характерен для семьи Ильи Захаровича и для него самого. Неутолимое стремление к знанию сочеталась в нем со страстью к путешествиям, обожанием Венеции и Парижа. Любая поездка на конференцию непременно сопровождалась посещением музеев, выставок, театров, и Илья Захарович всегда возвращался в особом радостно – грустно – торжественно приподнятом настроении: как много еще осталось неувиденного! Мысли о докладах, желание встречи с друзьями и коллегами по научному сообществу и страсть к путешествиям образовывали особый сплав «езды в неведомое» – эликсир жизни, которым Илья Захарович столь щедро делился с нами.

Не менее важным стал для И. З. Сермана и момент пристального внимания к политическим актуальностям. Он всегда был в курсе текущих событий и особенно ценил тех, кто обладал даром политического анализа. Например, он часто вспоминал, как его будущая жена Руфь Александровна Зернова (Зевина) отреагировала на вопрос сокурсника, что будет после подписания пакта Молотова – Риббентропа: «Четвертый раздел Польши», – пересказывал он с восхищением ее ответ. Напомним, что позднее Илья Захарович, как и Руфь Александровна, станет полноправным деятелем третьей волны эмиграции, одним из генераторов и проводников ее идей, приведших в результате к падению коммунистического режима в Советском Союзе. Он печатается в «Континенте», «Русской мысли», «Новом русском слове» (в частности, здесь была напечатана его рецензия на книгу М. Агурского «Идеология национал-большевизма»), «Гранях», «22» и др. Его присутствие становится обязательным во всех странах, связанных с волной третьей эмиграции, в США, Англии, Франции, Германии. Он выступает на русской службе «Би-Би-Си» и «Голоса Америки», на знаменитой конференции 1982 г. в Париже, посвященной памяти его учителя и старшего друга Б. М. Эйхенбаума, где разразившаяся свободная полемика привела к демонстративному уходу советской делегации. Вся эта большая деятельность наряду со своим очевидным политическим смыслом будет посвящена одной цели: воссозданию свободной, неподцензурной истории русской литературы. Отсюда и его участие в знаменитой «Histoire de la littérature russe», ее редактирование вместе с Ж. Нива, В. Страда и Е. Эткиндоном. Дело жизни Ильи Захаровича окажется на Западе согретым мировым историческим и литературным телеологическим теплом.

И, конечно, И. З. Серман принимает самое деятельное участие в делах Отдела русских и славянских исследований Еврейского Университета в Иерусалиме, профессором которой он становится в 1976 г., сразу после отъезда из Советского Союза. Здесь он проработает тридцать четыре года – на четырнадцать лет больше, чем в Пушкинском Доме, и во

многим благодаря его усилиям наш Отдел станет одним из наиболее авторитетных мировых славистических исследовательских центров. Достаточно вспомнить, сколько работ И. З. Серман напечатает в теперь уже легендарной *Slavica Hierosolymitana*! Здесь, в Иерусалиме будут написаны его многочисленные статьи по истории русской литературы, от А. Кантемира до С. Довлатова, книги о Ломоносове и Батюшкове, ставшие в английском переводе известными всему миру. Здесь он создаст свои исследования о Лермонтове и Карамзине – непреложная часть современной и будущей науки о литературе. Динамизм, гибкость научной мысли и беззаветная преданность истории литературы как делу жизни позволили И. З. Серману не просто вписаться в непростую картину западного научного мира, но и стать одним из его столпов. При этом с самого начала своего иерусалимского периода Илья Захарович был живым носителем лучших традиций Пушкинского Дома, его настоящим и полномочным представителем – даже тогда, когда в самом Пушкинском Доме не только усердно старались забыть о своем посланнике, но и делали все, чтобы вытравить о нем всю память даже из сочинений по истории Института русской литературы. Отсюда столь триумфальным стало возвращение его трудов в постперестроечную Россию, новые и новые публикации в российских журналах, переиздания и издания книг. Еврейский Университет в Иерусалиме, Женева, Венеция, Сорбонна и Пушкинский Дом – теперь все аплодируют выступлениям Ильи Захаровича.

Думал ли он, ученик Б. М. Эйхенбаума и Г. А. Гуковско-го, о таком научном триумфе, когда 15 октября 1949 г. вместе со своим другом А. Г. Левинтоном был осужден на 25 лет исправительно-трудовых лагерей «за антисоветскую пропаганду с использованием национальных предрассудков» по пресловутой статье 58-10? Когда просил о милосердии для своей горячо любимой жены, матери двоих маленьких детей, получившей в результате «всего» 10 лет лагерей? Думал ли он о русской литературе, когда был отправлен по этапу на Колыму, в Ванинский порт, в Атку? Безусловно, ведь его матери

позволили посылать ему книги! Илья Захарович всегда считал себя необычайно счастливым человеком, о чем в частности свидетельствуют его лагерные мемуары. И так же, как тяжелая контузия 1941 г. спасла от гибели в Синявинских болотах и позволила продолжить столь блестяще начатые в университетские годы исследования по русской литературе, эти посылки с книгами да настойка стланика уберегли его в магаданских снегах...

Жизнелюбие и любовь к литературе – основа творческой свободы и долголетия И. З. Сермана. Иерусалимский дом Ильи Захаровича и Руфи Александровны был особым культурным докусом, напоминающим о своих аналогах в русской культуре Серебряного века. Сюда, в эту атмосферу исчезнувшей ныне старомодной деликатности и благожелательности стремились друзья, коллеги, докторанты, студенты и особенно студентки, чувствующие со всем пылом молодости, что перед ними необыкновенный, великий человек, настоящий мужчина, от которого исходит ощущение надежности и защищенности. Илья Захарович всегда был окружен целым цветником красивых женщин, хороводом восхищенного обожания и любви, над чем посмеивались и чему завидовали. А знаменитые сермановские пиры? В день его рождения – 22 сентября, на Старый Новый год или просто так, вечером, собирались и съезжались многочисленные друзья, и сколько было интересных разговоров, сколько рождалось новых замыслов, сколько высказывалось смелых идей за красиво сервированным столом!

Илья Захарович всегда был верным другом всех своих друзей. Особенно живо помнится его дружба с незабвенными Е. М. Мелетинским и Е. Г. Эткингом, озарившая и наши довольно суровые места. Казалось, что так будет всегда, что Илья Захарович – могучая скала, которая надежно защищает нас всех...